Михновец Н. Г. Эпический разворот сюжета вины от сна Прохарчина к сну Дмитрия Карамазова / Н. Г. Михновец // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 265—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-265-283.

Mikhnovets, N. G. (2020). Epic Reversal of the Plot of Guilt from Prokharchin's Dream to Dmitry Karamazov's Dream. *Nauchnyi dialog, 9:* 265-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-265-283. (In Russ.).

УДК 821.161.1Достоевский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-265-283

Эпический разворот сюжета вины от сна Прохарчина к сну Дмитрия Карамазова¹

© Михновец Надежда Геннадьевна (2020), orcid.org/0000-0002-0674-1964, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), mikhnovets@yandex.ru.

В статье рассматривается сюжет вины в преломлении к событию сна от раннего рассказа Ф. М. Достоевского «Господин Прохарчин» к «Братьям Карамазовым». Автор статьи исходит из представления о специфической особенности творчества писателя, характеризующейся динамикой постижения магистральных для него проблем и относительной устойчивостью их образного, мотивного, сюжетно-фабульного выражения. Подчеркивается, что развитие сюжета обусловил возросший в 1840-1870-е годы общественный интерес к вопросам соотношения общего как народного и индивидуального, нравственного преображения человека, к особенностям народной жизни и русского национального характера. Комментируются составные части историко-культурного контекста картины сна Дмитрия Карамазова: они определяют тематическую структуру этого сна, свидетельствуют о решительной конкретизации общечеловеческого образа «Божьего народа» («Господин Прохарчин») как национального. Автор статьи приходит к выводу, что в «Братьях Карамазовых» раздумья писателя над исторической судьбой и ролью русского народа легли в основу эпического разворота «сюжета вины»: ощутив индивидуальную вину, Дмитрий Карамазов открывается чувству сострадания как всенародному. Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; русский национальный характер; эпический

разворот; сюжет вины; историко-культурный контекст; роман; народное; индивидуальное.

1. Введение

П. М. Бицилли в свое время высказал весьма продуктивную мысль: «Все написанное Достоевским может изучаться не "диахронно", а "синхронно". В каждой его вещи потенциально заложены все остальные... До-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

стоевский, как художник слова, не "прогрессировал" на протяжении всего творческого пути» [Бицилли, 1996, с. 500]. По мнению П. М. Бицилли, основу миросозерцания художника можно усмотреть уже в романе «Бедные люди», в повестях «Двойник», «Хозяйка», «Село Степанчиково» [Там же].

Мысль исследователя не бесспорна. С одной стороны, с ней нельзя не согласиться: с самого начала творческого пути Достоевскому присуща предельная сконцентированность на важнейших для него вопросах, рассмотрение которых и обусловило наличие в его произведениях сквозных тем, а также сюжетно-фабульных, мотивных констант, сопровождающих их в качестве «шлейфа». С другой стороны, очевидно, что сам круг проблем, во-первых, неуклонно расширялся от одного периода творчества к другому, а по мере этого, во-вторых, шел динамичный процесс взаимодействия и обогащения тем, постановки новых проблем.

В предлагаемой статье учитывается специфическая особенность творчества Достоевского: интенсивность постижения магистральных для писателя проблем — и относительная устойчивость их образного, мотивного, сюжетно-фабульного выражения. Процесс осмысления проблемных вопросов предполагал поиск писателем разных путей их решения, что обусловило появление на исходной проблемно-тематической основе различных вариативных «ответвлений». Вместе с тем чрезвычайно важную роль в развитии любого из сюжетов играл историко-культурный контекст. В этой перспективе рассмотрим историю «сюжета вины» в одном из его «ответвлений», при этом цель будет состоять в выявлении тенденций, определяющих итоговые решения писателя.

Забегая вперед, скажем, что одна из них — эпическая. С этой тенденцией в развитии сюжета вины мы связываем процесс укрепления героя в его представлениях о преобладающем значении общего как всенародного над личным интересом, а также пристальное внимание автора к широкому историко-культурному контексту современной России, помогающему ему — в логике притяжений и отталкиваний — уточнить собственное понимание насущных проблем народной жизни, а также определить свою позицию в спорах современности о русском национальном характере и дальнейшем историческом пути России.

Мотив вины в русской литературе XIX столетия рассмотрен В. Б. Катаевым на широком материале: от романа А. И. Герцена «Кто виноват?», повести А. Ф. Писемского «Виновата ли она?», «Записок из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского до произведений А. П. Чехова [Катаев, 2004, с. 62–69)]. В «Записках из Мертвого дома», по его мнению, «центр тяжести в вопросе об ответственности с внешнего, со "среды" и "поряд-

ков", перенесен на иное, лежащее в глубинах человеческих душ. Вопрос о вине и ответственности переводится в нравственный и религиозный план» [Катаев, 2004, с. 63]. По мнению исследователя, в русской литературе 1870–1890-х годов тема вины связана с темами личной нравственной ответственности человека, его прозрения, пробуждения и воскресения. В. Б. Катаев справедливо утверждает: «К вопросу о вине и виновности, поставленному в "Записках из Мертвого Дома", Достоевский потом будет возвращаться в "Дневнике писателя" и в "Братьях Карамазовых"» [Там же]. Американский исследователь Р. Л. Джексон, рассматривая сон Дмитрия Карамазова, указывает на близость между вопросами этого героя в связи с горем русских баб, плачущего дитяти — и Макара Девушкина («Бедные люди», 1846) по поводу несчастий Настеньки [Джексон, 2011]. Вместе с тем «сюжет вины» в преломлении события сна как метасюжет в творчестве Достоевского не стал предметом специального рассмотрения в работе этих литературоведов.

2. Сон Прохарчина: тема вины перед «Божьим народом» и постановка проблемы нравственного преображения

Свое начало сюжет вины в преломлении к событию сна берет в раннем рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» (1846), а завершается в романе «Братья Карамазовы» сном Дмитрия Карамазова. Центральная фигура этого сюжета — герой, во сне узревший сущностное в себе, а по пробуждении делающий выбор между своими интересами и признанием собственной вины перед народом.

Во сне Прохарчин видит громче всех кричащую бабу, которая горюет, что «дети родные» ее прогнали и «пропали при сем случае тоже два пятака». Она «не унималась, всё кричала, выла, размахивала руками, не обращая, казалось, никакого внимания ни на пожар, на который занесло ее народом с улицы, ни на весь люд-людской, около нее бывший, ни на чужое несчастие, ни даже на головешки и искры...» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 251]. Следующий в веренице образов сна — сам Прохарчин. Когда-то Прохарчин-скупец, не собиравшийся о ком-либо заботиться, в том числе и о придуманной им же золовке, ускользнул, не расплатившись, от извозчика, однако во сне ему неожиданно пригрезился тот самый человек, который теперь словно в ответ на содеянное «начал подымать весь Божий народ» на обманщика [Там же]. Тех, от кого отпала баба, сосредоточенная на собственных проблемах и не замечающая «чужого несчастия», повествователь представляет как «весь люд-людской». В том же масштабе он определяет и тех, перед кем виновен Прохарчин: это «весь Божий народ».

К. В. Мочульский полагал, что в этом рассказе писатель впервые «прикоснулся к своей основной теме: "все за всех виноваты" — и наметил нравственную оценку замкнутости как вины перед человеческой семьей. Сон Прохарчина напоминает видение Мити по дороге в Мокрое» [Мочульский, 1995, с. 250]. Современная исследовательница Н. В. Чернова, обратившись к рассмотрению традиций народного театра Петрушки в рассказе, пришла к убедительному выводу: по ходу свершающегося сгорел Прохарчин-кукла — и родился человек с чувствами вины и сострадания [Чернова, 1996, с. 44, 48].

Пробудившийся человек, переживший эмоциональное потрясение от увиденного, воочию узревший себя во сне со стороны, оказался перед нравственным выбором: ощутить свою вину перед «всем Божьим народом», взять на себя ответственность за нее, сострадать чужому несчастью, — или по-прежнему придерживаться своекорыстных интересов, все больше увлекаясь мыслью о самоутверждении в мире людей. Сон открыл возможность для сердечного переворота, однако наполеоновские претензии героя делают его головным. Из дальнейшего повествования очевидно: после сна герой не претерпевает нравственного преображения. Другими словами, в рассказе автором поставлена проблема: проснется ли в человеке заключенный в нем же самом человек.

3. Дискуссия о русском национальном характере, творческое освоение Достоевским образа героя-гуляки А. Н. Островского

Рассматривая историю поиска Достоевским человека в человеке, обратимся к одной из проблемно-тематических линий «сюжета вины». Укажем на переломный для него этап, обусловленный пристальным вниманием писателя в послекаторжный период его творчества к русскому народу. Эта линия включает в себя этапы восприятия писателем народной драмы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» (1855), оперы А. Н. Серова «Вражья сила» (премьера в 1871 году), созданной на ее основе, а также развернувшейся в критике 1850–1860-х годов полемики вокруг русского национального характера и различных финалов драмы и оперы.

Современники прочитывали «Не так живи, как хочется», исходя, по преимуществу, как мы уже писали [Михновец, 2013, с. 54–63], из актуальных общественных вопросов своего времени. Основным в обсуждении этой драмы в 1855—1864 годах стал вопрос о глубине познания Островским русского народа и его жизни. Свою позицию в дискуссии заняли братья Достоевские. Она нашла свое выражение в статье М. М. Достоевского «"Гроза". Драма в пяти действиях А. Н. Островского» (1860), в достоевсковедении уже высказано предположение, что Ф. М. Достоевский мог принять участие в работе над ней [Фридлендер, 1971]. Материал, к которому обращается в своих пьесах Островский, как писал М. М. Достоевский, «есть весь наш народ, а народ, взятый во всей его полноте, во всей его всеобъемлемости, есть все. В нем, а не вне его все силы, все пружины его будущего развития. В нем вся будущая заслуга его перед человечеством, и, смотря с этой точки зрения, изображение чисто народных типов, может быть, важнее изображения всевозможных общечеловеческих идеалов» [Достоевский М. М., 2002, с. 14–15]. Это важное высказывание — одно из «направляющих» в истории рассматриваемого нами «сюжета вины»: искомый герой должен сделать свой выбор и, признав свою вину перед всеми и взяв личную ответственность за чужую беду, влиться в космос народного «все».

Проблема русского национального характера была в центре полемики русских писателей второй половины XIX века. Достаточно четко она прослеживается в творчестве А. Н. Островского. Любопытно свидетельство профессора И. А. Шляпкина, знакомого с историей создания народной драмы «Не так живи, как хочется»: по замыслу драматурга, пьесу должно было завершить «убийство, но К. Аксаков и Хомяков убедили переменить» [цит. по: Лакшин, 1960, с. 155]. Согласие с видными представителями славянофильства и раздумья над особенностями натуры русского человека привели Островского к убеждению, что «русский загул трагедией не кончается!» [цит. по: Кругликов, 1893, с. 55]. В драме «Не так живи, как хочется» конфликт между личностью, в атмосфере разгульной Масленицы стремящейся к необузданному своеволию, и патриархальным обществом разрешается утверждением правоты старшего поколения и мгновенным осознанием Петром своей греховности и раскаянием. Возможность столь резкого изменения героя в финальной сцене была мотивирована драматургом не логикой развития драматического действия, но особенностью национальной культуры и русского характера: действие драмы проходило в прощёный день, в который, как писал фольклорист С. В. Максимов, «широкая, пьяная масленица круго останавливается, и на смену ей приходит Великий пост» [Максимов, 1986, с. 289].

Рассуждения критиков о главном герое этой драмы способствовали утверждению представления о широте натуры как о специфической особенности русского человека: ему-де удается одновременно удерживать в своей душе и лучшее, и худшее; он, погрязший в грехе, последней черты, тем не менее, не переступит, он может прозреть и раскаяться. Так, А. В. Дружинин полагал, что главный герой драмы Петр — «есть истинно русский, сильный человек, равно способный на подвиги добра и на отчаянные пре-

ступления, не знающий границ в разгуле и заблуждениях, но точно так же не знающий границ в проявлениях огненного раскаяния» [Редакция [Дружинин], 1859, с. 31].

Однако Н. А. Добролюбов первым заострил внимание на несоразмерности масштаба освещения пьесой «широкого» русского человека и финального разрешения конфликта между отдельным (личностным) и общим (патриархальным), выраженного возвращением Петра Ильича в свою семью, к жене. Критик глубоко усомнился в возможности раскаяния героя [Добролюбов, 1962, т. 5, с. 111—112]. По его мнению, «...художническое чутье автора дало ему понять, что его Петр, приходящий в себя от колокольного звона, не есть представитель широкой русской натуры, забубенной головы, а довольно мелкий трактирный гуляка» [Там же, с. 25].

Через несколько лет, во второй половине 1860-х годов, мысль о несоответствии поддержал и развил А. М. Скабичевский. По его мнению, главный герой пьесы «Не так живи, как хочется» не вмещается в узкие рамки семейного круга: в нём «кипят богатые силы» [Скабичевский, 1868, с. 174]. По А. М. Скабичевскому, это «прекрасный сюжет для трагедии» шекспировского размаха. В качестве претекстов «Не так живи, как хочется» критик назвал древнерусские произведения: «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть о Горе-Злочастии».

Русский народ, как писал А. М. Скабичевский, приводит своих героев через разгул к раскаянию, при этом герой не возвращается в семью, он находит приют в монастыре. Критик указал на религиозный, историософский смысл такого исхода: монастырь является местом «общественного служения, выше, идеальнее которого народ не может себе представить» [Там же]. Есть, отмечает он, и другие возможности для героя: это раскольничий скит, пустынь, странническая жизнь по святым местам. Однако, с сожалением замечает критик, Островский решил финал пьесы в пределах «ходячей» мещанской морали, и в результате глубокий смысл народной легенды в драме «Не так живи, как хочется» был утрачен. По существу, два критика поставили проблему воплощения недюжинных сил русского человека, а А. М. Скабичевский наметил и возможное ее решение.

Другие критики видели в Петре своего современника и душевное преображение главного героя народной драмы чаще всего воспринимали скептически. К примеру, корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» В. Александров (В. А. Крылов), ставший впоследствии весьма популярным драматургом, заявил: «Гораздо последовательнее было бы, если б Петр действительно убил Дашу». Заключительная сцена, с его точки зрения, была «так не кстати прилеплена к концу драмы» [Александров, 1864,

2]. И такая тенденция в понимании финала пьесы со временем набирала силу. Композитор А. Н. Серов, во второй половине 1860-х годов создавая оперу «Вражья сила», постепенно утвердился в итоговой мысли о кровавом финале: Петр должен зарезать свою жену.

Интерес к драме «Не так живи, как хочется», к ее рецепции в критике и в музыкальном искусстве подводил Достоевского к герою, выросшему из народа и способному разом коренным образом измениться, раскаяться. Им был герой-гуляка, начинающий свою историю еще в русской словесности в XVII веке. Любопытно, что, в созвучьи с А. М. Скабичевским, Достоевский направляет своего героя в монастырь к духовному наставнику, однако этот герой совершенно иного типа: молодой герой-нигилист незавершенного романа «Житие великого грешника», Ставрогин, посещающий старца (глава «У Тихона», роман «Бесы»), Алеша Карамазов, внимающий старцу Зосиме. Сюжет «ученик — наставник» на материале «Жития великого грешника» и «Бесов» нашел освещение в недавних работах японского исследователя Н. Саису, отсылающего к опыту жизни и трудам св. Тихона Задонского [Саису, 2019а; 2019б].

Между историей Петра Ильича («Не так живи, как хочется») и Дмитрия Карамазова есть сюжетно-фабульные переклички: разгул, отказ от жены (Даши) или невесты (Катерины Ивановны) во имя безудержной, страстной любви к Груше (именно это имя носит их избранница), решимость убить того, кто стоит на пути личного счастья. И тот, и другой оказался на пороге убийства, но черту не преступил. Вместе с тем образ Дмитрия Карамазова вырастал на основе не только пьесы Островского, но и — полемики в критике 1850—1860-х годов о широте русской натуры, об убедительности раскаяния, о соразмерности финального разрешения конфликту. Сам Дмитрий Карамазов становится своего рода участником той полемики, рассуждая о широте человека: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 100].

Темы признания героем своей вины перед народным миром, нравственного переворота нашли отзвук — с учетом истории героя Островского — не только в романе «Братья Карамазовы» Достоевского (образ Дмитрия Карамазова), но и в эпической драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы» (1886; образ Никиты).

Достоевский о своем герое Дмитрии Карамазове говорил, что он «очищается сердцем и совестью под грозой несчастья и ложного обвинения. Принимает душой наказание не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление, в котором ложно будет обвинен судебной ошибкой. Характер вполне русский: гром не грянет —

мужик не перекрестится» [Достоевский, 1988, т. 30/1, с. 130]. Петр Ильич («Не так живи, как хочется»), Дмитрий Карамазов («Братья Карамазовы»), Никита («Власть тьмы») — вариации русского мужика-гуляки, который разом осознал глубину своего нравственного падения и разом же принял на себя вину за это падение (Петр Ильич, Дмитрий Карамазов) или за уже содеянное преступление (Никита, убивший новорожденного). В финальной сцене «Не так живи, как хочется» Петр Ильич восклицает: «Простите меня, добрые люди, ради Господа!» [Островский, 1973, т. 1, с. 414]. Во «Власти тьмы» Никита вторит: «Прости меня, мир православный!» [Толстой, 1936, т. 26, с. 242].

4. Тематическая структура картины сна Дмитрия Карамазова, сфокусированная на теме русского народа как Божьего

Наконец, вернемся к сну Прохарчина и сравним его со сном Дмитрия Карамазова. В область общего двух снов входят: событие пожара, людская беда и необходимость помощи пострадавшим, отзывчивость героя на чужую беду. Есть и несколько существенных расхождений. В сне Дмитрия Карамазова «сняты» обвинение героя в надувательстве, гнетущая скученность городской жизни, Петербург как место действия. Важно учесть и то, что один из этапов в истории сюжета вины в преломлении к событию сна связан с темой дитяти.

Исследовательница Е. Г. Местергази полагает, что тема дитяти в «Братьях Карамазовых» восходит к трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» [Местергази]. Однако представляется, что круг источников этой темы в творчестве Достоевского и в «Братьях Карамазовых» шире, и очень важное, если не центральное, место среди них, как мы уже писали, занимает «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса [Михновец, 2006, с. 116— 149]. В творчестве Достоевского были актуализированы два потенциала диккенсовской темы дитяти. Первый — память об умершем ребенке как основа семейного единства в будущем. В «Братьях Карамазовых» этот потенциал реализован в истории умирающего Илюшечки, а также в сцене речи Алеши Карамазова в Эпилоге. Второй потенциал определил развитие сюжета в рассказе «Сон смешного человека» (1877), а также сцену сна и пробуждения Дмитрия Карамазова. Речь идет о спасении ребенка как залоге нравственного воскресения человека, оказавшегося у последней черты (нравственной или физической смерти — Скрудж; самоубийства — «смешной человек»; соблазна убить отца — Дмитрий Карамазов). Все эти истории имеют евангельское основание: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 1–3).

В отличие от раскаяния Петра Ильича, возвращающегося к жене («Не так живи, как хочется»), событие спасения дитяти в повести Диккенса, рассказе «Сон смешного человека», истории Дмитрия Карамазова было соразмерно масштабу истории человеческого сообщества после события Рождества Христова: личным деянием восстанавливался нарушенный в Божьем мире порядок вещей.

Существенная разность между снами Прохарчина и Дмитрия Карамазова видится нам как во введении темы дитяти, так и во включении в литературный контекст последнего сна двух значительнейших в истории русской поэзии стихотворений о России: «Родина» («Люблю отчизну я, но странною любовью ...», 1841) М. Ю. Лермонтова и «Эти бедные селенья» (1855) Ф. И. Тютчева. Сон Дмитрия Карамазова, его образный, проблемно-тематический строй и сюжет о «дите» привлекли внимание А. Б. Криницына, вместе с тем, как представляется, в содержательной работе исследователя историко-литературный контекст представлен излишне широко [Криницын].

Зачин сна Дмитрия Карамазова: «Вот он будто бы где-то едет в степи, там, где служил давно, еще прежде, и везет его в слякоть на телеге, на паре, мужик» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 456]. Еще в начале романа было замечено, что герой служил на Кавказе, в то время, по-видимому, ему довелось увидеть южнорусские степи. К отзвукам лермонтовского стихотворения в зачине сна относятся упоминания степи и езды в телеге («Проселочным путем люблю скакать в телеге» [Лермонтов, 1961, т. 1, с. 509]). Эти отзвуки — своеобразная увертюра, настраивающая восприятие читателя на неидеализированный, истинный лик отчизны: на простые картины ее природы и русской деревни, бескрайные просторы. При этом в картине сна Дмитрия есть важное уточнение в связи с дорогами на Руси: в непогоду скакать по ним затруднительно, дорога не мощеная, земляная, кругом слякоть от тающего снега, и по грязи быстро не проедешь.

Однако во сне расстояния преодолеваются легко, так и в видении Дмитрия место действия разом перемещается от степей южной России к среднерусской местности. Ключ к пониманию логики этих пространственных изменений дают рассуждения Достоевского в статье «По поводу выставки» (1873): «Я, конечно, не говорю, что в Европе не поймут наших, например, пейзажистов: виды Крыма, Кавказа, даже наших степей будут, конечно, и там любопытны. Но зато наш русский, по преимуществу национальный, пейзаж, то есть северной и средней полосы нашей Европейской России, я думаю, тоже не произведет в Вене большого эффекта. "Эта скудная приро-

да", вся характерность которой состоит, так сказать, в ее бесхарактерности, нам мила, однако, и дорога» [Достоевский, 1980, т. 21, с. 70]. В картине сна Дмитрия Карамазова движение взора идет от степи, которая может быть любопытна европейскому человеку, к тому, что сугубо национально, что дорого и мило только «нам». Упоминание: «И вот недалеко селение» [Там же] — актуализирует в памяти читателей стихотворение Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья».

От сна Прохарчина к истории Дмитрия Карамазова выстраивается оригинальная картина мира, внешнюю рамку которой представляет Кавказ как периферия Российской империи, положение которой упрочилось всего лишь несколько лет назад: в 1864 году по окончании Кавказской войны. Затем следуют степи, а в центре располагается не европейский Петербург, как следовало бы ожидать согласно геополитическому элементу, глухо присутствующему в тематической структуре картины сна, — но среднерусское безымянное селение.

От контекстуально включенного в картину сна Дмитрия Карамазова незатейливого деревенского праздника с плясками и «говором пьяных мужичков», на который без устали готов смотреть путешественник лермонтовского стихотворения, сделан переход к тютчевской теме «долготерпения» родного края. Во сне Дмитрия это «долготерпение» представлено женскими ликами.

Этот сон вырастает из ветхозаветной и новозаветной образности. Лица баб «испитые», это определение вводит в контекст сна чрезвычайно важный ветхозаветный текст: «Воспряни, воспряни, восстань, Иерусалим, ты, который из рук Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил» (Ис., гл. 51, ст. 17). Горькую чашу невзгод русские бабы испили до дна, но они не оставлены Господом: эту чашу, всегда помня о своем народе, Он отнимет и отдаст мучителям: «Так говорит Господь твой, Господь и Бог твой, отмщающий за Свой народ: вот беру из руки твоей чашу опьянения, дрожжи из чаши ярости Моей: ты не будешь уже пить их» (Ис., гл. 51, ст. 22). Визуально картина этого сна восходит — в логике подспудного разграничения — и к европейской религиозной живописи, и к древнерусской иконописи. «Коричневый» цвет бабьих лиц созвучен иконописным ликам. Фигуры статичны; как и на иконах, они (в отсутствии пространственной перспективы) стоят вплотную друг к другу. Бабы «выстроились», своим ритмическим повтором как бы усиливая и возвышая образ женщины-страдалицы. Он замыкает «целый ряд» русских баб и становится его символом. Не живописную Мадонну, молодую, полногрудую и красивую женщину (сам писатель, как известно, высоко ценил картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна» и «Мадонна в креслах», а также Мадонн Г. Гольбейна Младшего, Мурильо) видит Дмитрий, но женщину без возраста («кажется ей лет сорок, а может, и всего только двадцать»), с длинным и худым лицом. В образе русской бабы с ребенком проступает лик Богородицы.

Однако подчеркнем, это проявление имеет вполне очевидный предел: у высокой костлявой женщины груди, по-видимому, уже иссохли, они утратили свою животворящую силу и уже не могут утолить голод младенца. Его образ отличается как от живописного образа здоровенького, с упругими ножками и ручками младенца, так и от плоскостного, почти бестелесного в русской иконописи. Иконописное дитя вынесено за пределы времени, а также климатической, географической, социальной и исторической конкретизации. Во сне Дмитрия иначе: дитя телесное, с «голенькими» ручками и сизыми «кулачонками», бездомное, холодное (на дворе ноябрь) и голодное, но еще не утратившее силу жизни, ибо движется и плачет.

Образ иссохшей матери с ребенком узнаваемо русский: не раз на Руси случались неурожайные, голодные годы. В рождественском рассказе «Мальчик у Христа на елке» (1876) в перечень детей: «замерзших» в Петербурге, «задохнувшихся у чухононок» или в вагоне третьего класса «от смраду» — вписаны и умершие «у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода)» [Достоевский, 1981, т. 22, с. 17]. В картине сна Дмитрия описание двояко: с одной стороны, оно воссоздает вполне узнаваемые современным ему читателем образы народной России, а с другой — высвечивает их глубинные вневременные духовные основания.

Финальным решением своей повести: Скрудж спас обреченного на смерть Тима — Диккенс сблизил рождественскую и пасхальную темы. Та же тенденция проявляется, как мы уже отметили выше, и в сне Дмитрия — с доминантой пасхального. «Пасхальное — особое эстетическое качество творчества Достоевского 1866—1881 гг., когда наличие трагического в произведении не подавляет читателя, не лишает его надежды и веры в будущее и в торжество идеала» [Алексеев и др., 1997, с. 104]. Страшные образы страдания русских баб и дитяти не приводят Дмитрия Карамазова к безысходному отчаянию, но побуждают к преображению. Герой воспринимает увиденное как лично его касающееся, сон закладывает начало его пути к народной жизни, к «почве».

Отсылка к тютчевскому стихотворению «Эти бедные селенья», как отмечали исследователи, есть уже в подготовительных материалах к повести «Вечный муж» (1870). А. Г. Гачева пишет: «светский человек» Вельчанинов, чьё созерцание среднерусского пейзажа увенчано тютчевскими строками, «внезапно начинает чувствовать глубинное и прочное родство со всеми и

всего со всем», однако у этого процесса есть свои границы: натура героя не была готова «к восприятию благодати», не способна «жить и действовать по Христовым заповедям» [Гачева, 2004, с. 298]. Сравнивая Вельчанинова с Дмитрием Карамазовым, исследовательница справедливо заключает: «Дмитрий же твердо встает на путь искупления» [Там же, с. 309].

Если вспомнить мысль Н. А. Добролюбова и А. М. Скабичевского о несоразмерности масштабов героя Островского и разрешения конфликта в пьесе «Не так живи, как хочется», то становится очевидным, что Достоевский нашел героя, готового развернуться к многострадальной русской жизни и начать восхождение к ее сущности, отдать свою жизнь во спасение дитяти. «За "дитё" и пойду. Потому что все за всех виноваты», — говорит Дмитрий брату Алеше [Достоевский, 1976, т. 15, с. 31]. Глубинной основой для такого героя стал русский герой-гуляка. Романист словно дописал историю Петра («Не так живи, как хочется») и вывел за пределы «мещанской драмы», учел при этом общественные настроения 1860—1870-х годов.

В творчестве Достоевского тема вины, начиная с рассказа «Господин Прохарчин», сопровождается темой спасителя. Однако картиной сна Дмитрия Карамазова в эту проблемно-тематическую магистраль внесена существеннейшая поправка: герой, почти в отрыве от грязи «лихо пролетая мимо» баб, не умом, но сердцем останавливается на их горе (вопрошающий Дмитрий дважды определен «глупым»). У Прохарчина произошел головной переворот, а у Дмитрия сердечный. Он — не «картинный» спаситель, каким рисовал себя в глазах других и Подпольный («Записки из подполья», 1864), и Закладчик («Кроткая», 1876), Дмитрий Карамазов — за всех и со всеми. Именно так воспринимается его спонтанная реакция в ближайшем для «Братьев Карамазовых» литературном контексте. Оксюморон: лихой полет (скорее тройки, чем телеги) и остановка пристального сердечного взора на чужой боли — указывает на ситуацию духовного выбора.

Необходимо учесть, что в 1875 году одновременно с первой частью романа «Подросток» в «Отечественных записках» был опубликован очерк «Побирушки и погорельцы», входящий в главу «Нищая братия» книги С. В. Максимова «Бродячая Русь». Из этого очерка следует, что пожары были весьма частым явлением в крестьянской жизни современной России, особенно много их было осенью (до трех тысяч случаев в месяц). При этом народные бедствия не подавались автором в драматическом ключе: «Появление погорельцев в осеннее время, явление сколько неизбежное и почти обязательное, столько и скоропреходящее» [Максимов, 1875, с. 107]. На Руси погорельцам, настаивает рассказчик, охотно помогают, «глубоко» сознавая их нужду, те крестьяне, кого на этот раз беда миновала. Рассказчик

признает, что тяжелее всего приходится бабам без мужиков, детям, больным и старикам: «Для вдов, для солдаток, для сирот и малосильных семей пожар — истинное несчастье» [Там же, с. 108]. Однако и они, подчеркивает автор, вскоре найдут приют. Оптимистично и трезво звучат и следующие рассуждения: «Нищета ходит большими шагами, — да и взаимная помощь, соседское сердоболье за ней поспевают <....> Помогают им все беззаветно, уготовывая милостынькой и себе путь поглаже: авось, того и гляди, и самим не сегодня, завтра придется по этой дорожке прогуляться» [Там же]. Сами рассказчик и его спутник, следующие по дороге от деревни к деревне, встретили погорельцев и готовно протянули милостыню: «Подали и мы этим людям ...» [Там же, с. 106].

Так же и Дмитрий Карамазов, увидев баб и задаваясь одним за другим вопросами: «... почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дитё?» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 456] — становится сопричастным народному горю, представленному в исторической конкретике осенних пожарищ и голода после летней засухи.

А. Г. Гачева приходит к выводу, что тютчевское стихотворение стало «своеобразным лейтмотивом в рассуждениях Достоевского о России и ее назначении в человечестве» [Гачева, 2004, с. 304]. Как представляется, сон Дмитрия Карамазова занимает в истории этого лейтмотива свое собственное место. В контексте сна просматриваются образы и темы первой и второй строф тютчевского стихотворения. Третья строфа, в которой «утверждается особая отмеченность русской земли, которую "исходил, благословляя, Христос"» [Там же, с. 303], в картине сна Дмитрия Карамазова, по всей видимости, закладывает начало духовного преображения героя. О Дмитрии Карамазове, заключенном в тюрьму и пришедшем к решению «За "дитё"», «за всех пойти», В. Б. Катаев пишет: «И если человек, добровольно решивший пойти путем страдания, повторяет путь Христа, добровольно страдающего Бога, это и есть живое доказательство присутствия Бога в мире» [Катаев, 2004, с. 65].

Завершается же сон возвращением к лермонтовскому зачину: вновь упоминается степь, только теперь она «голая», и в ней так и не зазвучал праздничный шум, в ней нет полноты жизни и движения. Лики на старых иконах чернеют и могут сокрыться от мира земного. Во сне Дмитрия бабы глубоко больны, они «почернели так от черной беды», что нуждаются в просветлении и взывают к спасению из мертвого круга сиюминутной конкретики земной жизни и боли. Однако это уже не конкретная южная

степь, движение взора в оригинальной картине мира идет не в географической логике от центра к периферии (Кавказу), но — от среднерусского селения к степи как саду Господнему. Важно, что на «выходе» из сна вновь актуализирован все тот же ветхозаветный текст из Книги пророка Исайи, проливающий свет надежды: «Так, Господь, утешит Сион, утешит все развалины его, и сделает пустыни его, как рай, и степь его, как сад Господа; радость и веселие будет в нем, славословие и песнопение» (Ис., гл. 51, ст. 3). Господь не оставит Свой народ.

Путь Дмитрия Карамазова пролегает от личного к всенародному. Позднее Дмитрий посмотрит на себя со стороны, в том числе как на русского мужика: «Понимаю теперь, что на таких, как я, нужен удар, удар судьбы, чтоб захватить его как в аркан и скрутить внешнею силой. Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь! Ведь, может быть, и очищусь, господа, а?!» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 458].

Вяч. Иванов, полагающий, что Россия в романе представлена тремя братьями, называет Дмитрия «простодушным и почти простонародным» и пишет о нем: «С крестьянами он сознает себя братски связанным, разделяет их веру, их жизненные ценности, их душевный строй» [Иванов, 1985, с. 92]. На «выходе» из сна намечена тема сложности дальнейшего пути для человека «со всем безудержем карамазовским». Важно, что в картине сна, согласно смысловой перспективе лермонтовского стихотворения «Родина», ни народная жизнь, ни сам Дмитрий не идеализируются.

В тематической структуре сна Дмитрия Карамазова есть несколько плоскостей (ветхозаветный, новозаветный; исторический; геополитический) и относящихся к ним уровней (европейское, живописное, — и древнерусское, иконописное, понимание сакральных образов; тема непреходящей памяти Господа о Своем народе; тема Спасителя; рождественская и пасхальная темы, темы долготерпения русского народа, христианского милосердия и «соседского сердоболья», темы степи как сада Господа, радости и веселья). Эти плоскости и уровни иерархически расположены от «глухой» периферии к центру. В фокусе, с одной стороны, находится исторически конкретный образ русской жизни и русского народа, с другой — исходящий свыше божественный свет памяти Господа о Своем народе. Дмитрий Карамазов, избежав искушения стать спасителем (вспомним о «наполеоновской» мысли Прохарчина, претензиях Подпольного и Закладчика), предстает как сопричастный народной беде и сострадающий ей сообща. В отличие от картины сна Прохарчина в картине сна Дмитрия Карамазова Божий народ явлен как русский народ.

5. Заключение

Развитие «сюжета вины» в преломлении к событию сна — от Прохарчина к Дмитрию Карамазову — вобрало в себя пристальный поиск писателем героя, в силу самой своей природы способного взять на себя вину за всех и не умозрительно, но сердцем и вместе со всеми развернуться к чужой беде, включило в себя тему дитяти, спасение которого является залогом нравственного преображения человека, обрело историко-культурную конкретизацию, в том числе историко-литературную, и стало в творчестве Достоевского составной частью проблемы исторического пути современной России. С Дмитрием Карамазовым тема вины перед всеми получила эпическое звучание, а «сюжет вины» — эпический разворот.

Источники

- 1. Александров В. Театральная хроника / В. Александров // Санкт-Петербургские ведомости. 1864. 29 октября. № 246. С. 1—2.
- 2. Добролюбов Н. А. Темное царство / Н. А. Добролюбов // Собрание сочинений : в 9 томах. Москва ; Ленинград : ГИХЛ, 1962. Т. 5. С. 7—139.
- 3. Достоевский М. М. «Гроза» // Светоч. 1860. № 3. Критическое обозрение. С. 1—36.
- 4. Достоевский Ф. М. Господин Прохарчин / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений: в 30 томах. Ленинград: Наука, 1972. Т. 1. С. 240—263.
- 5. Достоевский Φ . М. Братья Карамазовы. Книги І—Х / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 30 томах. Ленинград : Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Книги XI—XII / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений: в 30 томах. — Ленинград: Наука, 1976. — Т. 15. — С. 5—197.
- 7. Достоевский Φ . М. По поводу выставки / Φ . М. Достоевский // Собрание сочинений : в 30 томах. Ленинград : Наука, 1980. Т. 21. С. 68—77.
- 8. Достоевский Ф. М. Мальчик у Христа на елке / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 30 томах. Ленинград : Наука, 1981. Т. 22. С. 14—17.
- 9. Достоевский Ф. М. Н. А. Любимову / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 30 томах. Ленинград : Наука, 1988. Т. 30 / 1. С. 130—132.
- 10. *Кругликов С.* «Вражья сила» Серова / С. Кругликов // Артист. 1893. № 31. С. 54—62.
- 11. *Лермонтов М. Ю.* Родина / М. Ю. Лермонтов // Собрание сочинений : в 4 томах. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР [Ленинградское отд-е], 1961. Т. 1. С. 509—510.
- 12. *Максимов С. В.* Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники / С. В. Максимов // Максимов С. В. Литературные путешествия. Москва : Современник, 1986. С. 244—371.
- 13. *Максимов С. В.* Нищая братия / С. В. Максимов // Отечественные записки. 1875. № 1. С. 101—140.
- 14. *Островский А. Н.* Не так живи, как хочется / А. Н. Островский // Полное собрание сочинений : в 12 томах. Москва : «Искусство», 1973. Т. 1. С. 379—414.
- 15. *Редакция* [Дружинин А. В.] Сочинения Островского и проч. / А. В. Дружинин // Библиотека для чтения. 1859. Т. CLVI. С. 1—42.

- 16. Скабичевский А. Живая струя. (Вопрос о народности в литературе) / А. Скабический // Отечественные записки. 1868. Т. CLXXVII. Критика. С. 173—179.
- 17. *Толстой Л. Н.* Власть тьмы / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений : в 90 томах. Москва ; Ленинград : Худ. лит, 1936. Т. 26. С. 122—244.

Литература

- 1. Алексеев А. А. Пасхальное / А. А. Алексеев, А. О. Храпова // Достоевский : эстетика и поэтика : словарь-справочник / под ред. Г. К. Щенникова. Челябинск : Металл, 1997. С. 104—105.
- 2. *Бицилли П. М.* Избранные труды по филологии / П. М. Бицилли. Москва : Наследие, 1996. 710 с.
- 3. Γ ачева Λ . Γ . «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется ...» (Достоевский и Тютчев) / Λ . Γ . Γ ачева. Москва : ИМЛИ РАН, 2004. 640 с.
- 4. Джексон Р. Л. Сон Дмитрия Карамазова про «дитё»: прорыв / Р. Л. Джексон. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/continent/2011/150/son-dmitriya-karamazova-pro-dityo-proryv-2.html. (дата обращения 24.07.2020).
- 5. *Иванов Вяч*. Достоевский : трагедия миф мистика / Вяч. Иванов. Брюссель, 1985. 222 с.
- 6. *Катаев В. Б.* «Виноваты все мы ...» (К истории мотива в русской литературе) / В. Б. Катаев // Катаев В. Б. Чехов плюс ... Предшественники, современники, преемники. Москва : Языки славянской культуры, 2004. С. 62—69.
- 7. Криницын А. Б. Тема детей в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Сон о «дите» Дмитрия Карамазова. (Опыт комментария) / А. Б. Криницын. Режим доступа: https://www.portal-slovo.ru/philology/40084.php?sphrase_id=180253. (дата обращения 24.07.2020).
- 8. Лакшин В. Я. Новые материалы об Островском (из дневника профессора И. А. Шляпкина) / В. Я. Лакшин // Русская литература. 1960. № 1. С. 151—155.
- 9. *Местергази Е. Г.* «Дитя» у Пушкина и Достоевского : «Борис Годунов» и «Братья Карамазовы» / Е. Г. Местергази // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 293—300.
- 10. *Михновец Н. Г.* Прецедентные произведения и прецедентные темы в диалогах культур и времен. Место и роль прецедентных явлений в творчестве Ф. М. Достоевского / Н. Г. Михновец. Санкт-Петербург : Наука, САГА, 2006. 384 с.
- 11. *Михновец Н. Г.* «Не так живи, как хочется» в прижизненной критике А. Н. Островского / Н. Г. Михновец // А. Н. Островский. Материалы и исследования : сборник научных трудов / отв. ред., сост. И. А. Овчинина. Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. Выпуск 4. С. 54—63.
- 12. *Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. В. Мочульский. Москва: Издательство «Республика», 1995. 608 с.
- 13. *Саису Н*. Святой Тихон Задонский и Ф. М. Достоевский : проблема обретения веры и тема наставничества в «Житии великого грешника» / Н. Саису // Научный диалог. 2019а. № 5. С. 213—227.
- 14. Caucy H. Тихон Задонский и Достоевский : ложное смирение Ставрогина в романе «Бесы» / Н. Саису // Новый филологический вестник. 2019б. № 48. С. 106—119.
- 15. *Фридлендер Г. М.* У истоков почвенничества / Г. М. Фридлендер // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 3. Выпуск 5. С. 400—410.

16. *Чернова Н. В.* «Господин Прохарчин» (Символика огня) / Н. В. Чернова // Достоевский, Материалы и исследования. — Санкт-Петербург: Наука, 1996. — Т. 13. — С. 29—49.

EPIC REVERSAL OF THE PLOT OF GUILT FROM PROKHARCHIN'S DREAM TO DMITRY KARAMAZOV'S DREAM¹

© Mikhnovets Nadezhda Gennadievna (2020), orcid.org/0000-0002-0674-1964, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), mikhnovets@yandex.ru.

The article examines the plot of guilt in refraction to the event of a dream from the early story of Fedor Dostoevsky "Mister Prokharchin" to "Brothers Karamazov". The author of the article proceeds from the idea of the specific features of the writer's work, characterized by the dynamics of comprehending the main problems for him and the relative stability of their figurative, motivational, plot-plot expression. It is emphasized that the development of the plot was determined by the increased in the 1840–1870s. public interest in the problems of the correlation of the general as a national and individual, the moral transformation of a person, in the peculiarities of folk life and the Russian national character. The constituent parts of the historical and cultural context of Dmitry Karamazov's dream picture are commented: they determine the thematic structure of this dream, testify to the decisive concretization of the universal human image of "God's people" ("Mister Prokharchin") as national. The author of the article comes to the conclusion that in "Brothers Karamazov", the writer's reflections on the historical fate and role of the Russian people formed the basis for the epic reversal of the "plot of guilt": feeling individual guilt, Dmitry Karamazov opens up to a feeling of compassion as a nationwide one.

Keywords: F. M. Dostoevsky; Russian national character; epic spread; plot of guilt; historical and cultural context; novel; folk; individual.

MATERIAL RESOURCES

- Aleksandrov, V. (1864). Teatralnaya khronika [Theatrical chronicle]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [St. Petersburg Bulletin]. 29 oktyabrya. 246: 1—2. (In Russ.).
- Dobrolyubov, N. A. (1962). Temnoye tsarstvo [Dark kingdom]. In: *Sobraniye sochineniy:* v 9 tomakh [Collected works: in 9 volumes], 5. Moskva; Leningrad: GIKhL. 7—139. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, M. M. (1860). «Groza» ["Thunderstorm"]. Svetoch [Svetoch], 3. Kriticheskoye obozreniye: 1—36. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1972). Gospodin Prokharchin [Mr. Prokharchin]. In: Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh [Collected works: in 30 volumes], 1. Leningrad: Nauka. 240—263. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1976). Bratya Karamazovy. Knigi I—X [Brothers Karamazov. Books I—X]. In: *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], *14*. Leningrad: Nauka. 512 p. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1976). Bratya Karamazovy. Knigi XI—XII [Brothers Karamazov. Books XI—XII]. In: *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], *15*. Leningrad: Nauka. 5—197. (In Russ.).

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102.

- Dostoyevskiy, F. M. (1980). Po povodu vystavki [Concerning the exhibition]. In: *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], *21*. Leningrad: Nauka. 68—77. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1981). Malchik u Khrista na yelke [Boy at Christ on the tree]. In: *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], *22*. Leningrad: Nauka. 14—17. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1988). N. A. Lyubimovu [N. A. Lyubimov]. In: *Sobraniye sochineniy:* v 30 tomakh [Collected works: in 30 volumes], 30 / 1. Leningrad: Nauka. 130—132. (In Russ.).
- Kruglikov, S. (1893). «Vrazhya sila» Serova ["The power of the enemy" Serov]. Artist [Artist], 31: 54—62. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (1961). Rodina [Rodina]. In: Sobraniye sochineniy: v 4 tomakh [Collected works: in 4 volumes], 1. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR [Leningradskoye otd-ye]. 509—510. (In Russ.).
- Maksimov, S. V. (1875). Nishchaya bratiya [Poor fraternity]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], *I*: 101—140. (In Russ.).
- Maksimov, S. V. (1986). Iz ocherkov narodnogo byta. Krestyanskiye kalendarnyye prazdniki [From sketches of folk life. Peasant calendar holidays]. In: *Literaturnyye puteshestviya* [Literary travel]. Moskva: Sovremennik. 244—371. (In Russ.).
- Ostrovskiy, A. N. (1973). Ne tak zhivi, kak khochetsya [Do not live as you want]. In: *Polnoye sobraniye sochineniy: v 12 tomakh* [Complete works: in 12 volumes], *1*. Moskva: «Iskusstvo». 379—414. (In Russ.).
- Redaktsiya [Druzhinin A. V.] Sochineniya Ostrovskogo i proch [Edition [Druzhinin A. V.] Works of Ostrovsky and so on]. (1859). In: *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], *CLVI*: 1—42. (In Russ.).
- Skabichevskiy, A. (1868). Zhivaya struya. (Vopros o narodnosti v literature) [Live stream. (The question of nationality in literature)]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], *CLXXVII. Kritika*: 173—179. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1936). V last' tmy [The Power of Darkness]. In: *Polnoye sobraniye sochineniy:* v 90 tomakh [Complete Works: in 90 volumes], 26. Moskva; Leningrad: Khud. lit. 122—244. (In Russ.).

REFERENCES

- Alekseyev, A. A., Khrapova, A. O. (1997). Paskhalnoye [Paschalnoe]. In: Shchennikov, G. K. (ed.) Dostoyevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik [Dostoevsky: aesthetics and poetics: a dictionary-reference book]. Chelyabinsk: Metall. 104—105. (In Russ.).
- Bitsilli, P. M. (1996). *Izbrannyye trudy po filologii* [Selected works on philology]. Moskva: Naslediye. 710 p. (In Russ.).
- Chernova, N. V. «Gospodin Prokharchin» (Simvolika ognya) [Century "Mr. Prokharchin" (Symbolism of fire)]. In: *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research], *13*. Sankt-Peterburg: Nauka. 29—49. (In Russ.).
- Dzhekson, R. L. Son Dmitriya Karamazova pro «dite»: proryv [Dmitry Karamazov's dream about the "child": breakthrough]. Available at: https://magazines.gorky.media/continent/2011/150/son-dmitriya-karamazova-pro-dityo-proryv-2.html. (accessed 24.07.2020). (In Russ.).

- Fridlender, G. M. (1971). U istokov pochvennichestva [At the origins of soil cultivation]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Izvestiya AN SSSR. Literature and Language Series], *3 (5)*: 400—410. (In Russ.).
- Gacheva, A. G. (2004). «Nam ne dano predugadat', Kak slovo nashe otzovetsya ...» (Dostovetsyi i Tyutchev) ["We are not given to predict how our word will respond ..." (Dostovetsky and Tyutchev)]. Moskva: IMLI RAN. 640 p. (In Russ.).
- Ivanov, Vyach. (1985). Dostoyevskiy: tragediya mif mistika [Dostoevsky: tragedy myth mysticism]. Bryussel'. 222 p. (In Russ.).
- Katayev, V. B. (2004). «Vinovaty vse my ...» (K istorii motiva v russkoy literature) ["We are all to blame ..." (To the history of the motive in Russian literature)] In: Chekhov plyus ... Predshestvenniki, sovremenniki, preyemniki [Chekhov plus ... Predecessors, contemporaries, successors]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 62—69. (In Russ.).
- Krinitsyn, A. B. *Tema detey v «Bratyakh Karamazovykh» F. M. Dostoyevskogo. Son o «dite» Dmitriya Karamazova. (Opyt kommentariya)* [The theme of children in "The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky. Dream of Dmitry Karamazov's "child". (Commentary experience)]. Available at: https://www.portal-slovo.ru/philology/40084.php?sphrase_id=180253. (accessed 24.07.2020). (In Russ.).
- Lakshin, V. Ya. (1960). Novyye materialy ob Ostrovskom (iz dnevnika professora I. A. Shlyapkina) [New materials about Ostrovsky (from the diary of Professor I. A. Shlyapkin)]. Russkaya literatura [Russian literature], 1: 151—155. (In Russ.).
- Mestergazi, E. G. (1999). «Ditya» u Pushkina i Dostoyevskogo: «Boris Godunov» i «Bratya Karamazovy» ["Child" by Pushkin and Dostoevsky: "Boris Godunov" and "The Brothers Karamazov"]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Foundation for the Humanities], *1*: 293—300. (In Russ.).
- Mikhnovets, N. G. (2006). Pretsedentnyye proizvedeniya i pretsedentnyye temy v dialogakh kultur i vremen. Mesto i rol'pretsedentnykh yavleniy v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Precedent works and precedent themes in the dialogues of cultures and times. The place and role of precedent phenomena in the works of F. M. Dostoevsky]. Sankt-Peterburg: Nauka, SAGA. 384 p. (In Russ.).
- Mikhnovets, N. G. (2013). «Ne tak zhivi, kak khochetsya» v prizhiznennoy kritike A. N. Ostrovskogo ["Don't live as you want" in the lifetime criticism of A. N. Ostrovsky]. In: A. N. Ostrovskiy. Materialy i issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov [A. N. Ostrovsky. Materials and research: collection of scientific papers], 4. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet. 54—63. (In Russ.).
- Mochulskiy, K. V. (1995). Gogol'. Solovyev. Dostoyevskiy [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moskva: Izdatelstvo «Respublika». 608 p. (In Russ.).
- Saisu, N. (2019a). Svyatoy Tikhon Zadonskiy i F. M. Dostoyevskiy: problema obreteniya very i tema nastavnichestva v «Zhitii velikogo greshnika» [Tikhon of Zadonsky and F. M. Dostoevsky: the problem of gaining faith and the topic of mentoring in the "Life of the Great Sinner"]. Nauchnyy dialog [Scientific dialogue], 5: 213—227. (In Russ.).
- Saisu, N. (2019b). Tikhon Zadonskiy i Dostoyevskiy: lozhnoye smireniye Stavrogina v romane «Besy» [Tikhon Zadonsky and Dostoevsky: Stavrogin's false humility in the novel "Demons"]. Novyy filologicheskiy vestnik [New philological bulletin], 48: 106—119. (In Russ.).